

Николай Эдуардович Шишкин

**ПУБЛИЦИСТИКА К. ЛАГУНОВА:
СЕВЕРНЫЙ МИФ
И ЕГО РАЗВЕНЧАНИЕ**

Статья посвящена исследованию очерков К. Лагунова о становлении, развитии и проблемах тюменского нефтедобывающего комплекса. Автор прослеживает, как в публицистике К. Лагунова создавался и впоследствии был разрушен агитационный миф о Тюменском Севере.

Одной из глав богатой советской мифологии стал миф о Тюменском Севере. А он, в свою очередь, складывался из романов, повестей, пьес, очерков, газетных выступлений, посвященных феномену тюменской нефти.

Герои романов Константина Лагунова, в чьем творчестве художественная и публицистическая линии тесно переплетены, имеют легко узнаваемых прототипов, а очерки писателя художественны, порой даже поэтичны, северная тема стоит на одном из первых мест. Тюменскому писателю, ищущему материал в самой гуще жизни, просто невозможно было удержаться в стороне от великой битвы, развернувшейся на просторах севера области, — битвы за нефть.

В этой статье мы остановимся на очерках Лагунова, опубликованных в «толстых» журналах — «Урал», «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник».

Публикации за период с середины 60-х, когда «пошла» тюменская нефть, до середины 80-х, когда с приходом перестройки начали завершаться времена славословия, стали яркой составной частью тюменского мифа о нефти. Особняком в череде очерков-близнецов стоит лишь «новомирский» очерк «Нефть и люди» (1966), всецело посвященный проблемам нефтедобычи. Его диссонанс с восторженными выступлениями прессы той поры был настолько велик, что автора поспешили записать едва ли не в диссиденты, хотя опровергнуть приведенные им факты наплевательского отношения к культурной и бытовой сферам жизни освоителей Севера никто бы не мог. Однако такая правда была не нужна власть предержащим.

Нужны были рапорты о новых рекордах нефтедобычи, о трудовых подвигах, которые совершает советский народ под мудрым руководством коммунистической партии в суровых условиях северной природы. Это сейчас подобная фраза может быть воспринята саркастически. Тогда это казалось нормой.

Нельзя не отметить, что Лагунов всеми силами пытался уходить от подобной клишированности своих материалов. Публицистический северный эпос, открывающийся в очерках Лагунова, по своей художественной форме весьма привлекателен для читателя. Даже сейчас его очерки нельзя читать без интереса. Они увлекают живым, драматичным повествованием, ясными картинами северных пейзажей, сильными персонажами и, выражаясь по-киношному, «хэппи-эндами». «Газетчина» в его очерках не превалирует, умело маскируется автором. Рядом с цифрами всегда живые люди, описания производственных процессов не только доходчивы, но и опозитизированы оригинальным авторским видением. И даже крайняя неустроенность быта северян компенсируется искренним теплом человеческих отношений. Трудно оспаривать тот факт, что пропагандистский заряд таких очерков был очень силен.

Однако, охватывая взглядом северные очерки Лагунова, можно вывести некую формулу, состоящую из обязательных компонентов содержания, типичности конфликтов, которые переходили из текста в текст. Конечно, в композиционном плане они не имели постоянной закреплённости, но, как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Давайте перечислим эти компоненты «обязательной программы», рассмотрим их ближе.

1. Историко-географическая справка о Тюменском Севере, своего рода «визитная карточка» края и, соответственно, всего материала. Особенно актуальна она была для самых первых очерков, когда страна только открывала для себя феномен тюменской нефти. И здесь язык цифр и дат соседствует с природными зарисовками, как, например, в очерке «Слушайте Самотлор». Позже на смену историко-географическим справкам приходят картины новых городов, промышленных объектов. Такова самотлорская кольцевая дорога, «увиденная» автором с высоты птичьего полета, – бетонка-артерия с отходящими от нее зимниками-сосудами, по которым бесконечно струится поток автомашин – кровь индустриального края (очерк «Кольцо Самотлора»).

2. Масштабные картины северного производства. Обстановка, максимально приближенная к фронтовой. Об этом автор напоминает постоянно. В очерке «Мост» особенно ощутимо это сравнение. Звучит оно в словах героев:

«– И тут фронт, – оборвал Бахтин (управляющий трестом Мостострой-2 – Н. Ш.). – Возьмем восьмью – тогда отоспимся» [Лагунов 1976: 20].

«Возьмем» – словно речь идет не об опоре моста, а о занятой противником высоте. Звучит в словах автора, описывающего настрой коллектива: *«... люди работали самоотреченно, как воевали. Им всем была нужна одна победа... И ради нее они были готовы на все»* [Лагунов 1976: 21].

Работа в экстремальных условиях – обычное дело для северных рабочих. Постоянно витает реальная опасность катастрофы. Но в очерках Лагунова катастрофа присутствует как нечто имевшее место в прошлом, на другом участке (за редкими исключениями: например, глава «Березовская трагедия» в очерке 1996 года «Распахнутые кладовые»). Сейчас и здесь может быть лишь ее угроза, которая отступает под напором советского человека. И даже работая на пределе сил, этот человек не отталкивающий, а прекрасен. Автор любит единением человека и машины в очерке «Кольцо Самотлора», наблюдая за работой экскаваторщика Валерия Секирина: *«Машина в его руках – изворотлива и послушна... Она, выпустив когти, легко, словно играючи, сдирает семидесятисантиметровый пласт льда, прочерчивая канву будущей проруби. Только неприметно заглянув в кабину, можно понять, какого огромного напряжения стоит Валерию это его, поражающее многих единение с машиной. Он весь настроен, натянут до предела, чутко вслушивается в моторный рокот...»* [Лагунов 1975: 13].

3. Люди – главное богатство Севера, без которого гигантские запасы нефти и газа так бы и остались лежать в недрах земли. Этот постулат красной нитью проходит через все очерки Лагунова. Кстати, большинство из них – портретного характера.

Производственные очерки, не посвященные конкретному человеку, также содержат по несколько полнокровных, с любовью выписанных героев – освоителей северного края, не считая коротко, вскользь упомянутых персонажей – не из-за авторского пренебрежения, а исключительно из-за нехватки места. Иначе, без сомнения, каждый очерк перерастал бы в густо населенный роман. Каждый

трудолюбивый северянин заслуживает внимания, считает писатель, и на деле доказывает это. Не только начальники всех рангов и партийные активисты становятся героями в лагуновских очерках. Наравне с ними представлены шоферы, буровики — словом, рабочие руки Севера.

Герои Лагунова — беззаветно преданные делу люди, презирающие праздность, бросающие дерзкий вызов трескучим морозам и колючим ветрам. Их портреты — это портреты былинных богатырей, привлекательных грубой, первозданной мужской красотой. Уже упоминавшийся нами Бахтин из очерка «Мост»: *«... тяжеловесный, будто из гранита высеченный... Лицо у Бахтина — обветренное, до густой красоты прокаленное непогодами, с чертами скульптурно выпуклыми и резкими. Лицо работника»* [Лагунов 1976: 15].

Похожий портрет встречаем в «Кольце Самотлора». Валерий Хлюпин, начальник Нижневартовского УБР — 1: *«Лицо — крупное, волевое, с резкими, броскими чертами. Лоб невысокий, под вздыбленными бровями внимательные, с потайной хитринкой глаза. Голос низкий, твердый»* [Лагунов 1975: 18].

Их жены — милые, улыбчивые женщины, понимающие и принимающие бешеный трудовой темп и адские нагрузки мужей. Такова супруга первого секретаря Нижневартовского горкома партии В. В. Бахилова («Субботний день Василия Васильевича»), бригадира сварщиков И. В. Мартынова («Под огнем»). Их дети — целеустремленные труженики, идущие по стопам отцов.

Вся их жизнь — почти житие, они святые коммунистической мифологии. Бригадир мостостроителей Юрий Федорович Гончаров из «Моста» *«... жадеи до работы... Жалеет минуты на пустословие. Но и он застывал в удивлении от неиссякаемого накала, с каким... работала бригада. Надо было не подгонять, а сдерживать, оберегать от перегрузок»* [Лагунов 1976: 11].

А вот как охарактеризован Василий Бахилов («Субботний день Василия Васильевича»): *«Интуиция и опыт, плюс вера в человека — вот что руководило им. Честность в большом и малом, умение подчинять всего себя интересам партии — вот что давало ему право вмешиваться в чужие судьбы, вот что вело к нему заплутавшихся в жизни, сомневающихся в своей правоте»* [Лагунов 1974: 136].

Бригадир Николай Козлов из Надыма («На стыке северных ветров»), как и его коллега по укрощению огня Иван Мартынов («Под огнем»), *«... к длинным отпускам никак не привыкнет»* [Лагунов 1984: 101].

Эти штрихи (кстати, рубрика, в которой «Урал» печатал многие очерки Лагунова, так и называлась — «Штрихи к портрету современника»), щедро разбросанные по текстам, складывались в одно величественное полотно портрета покорителя Севера, героя того времени.

4. Быт. Неустроенный быт северян — одна из основных тем очерков Лагунова. Так или иначе, но проблема быта затрагивается в каждом выступлении писателя. Другие, не краснея, выдавали победные пассажи, вроде такой панорамы Нижневартовска: город *«... поражает воображение впервые прибывших сюда людей. Взгляду открываются широкие проспекты и улицы, микрорайоны, застроенные домами со всеми удобствами»* [Островский 1976: 161].

Лагунов, даже после резкого неприятия его очерка «Нефть и люди», не мог скрывать очевидную правду колоссального отставания темпов развития социальной инфраструктуры от нефтедобывающего производства. Эта тема осталась бастионом, который он не сдал под давлением официальной линии, настойчиво повторяя: *«... растет жилищный дефицит от года к году и может стать прямо-таки угрожающим... Нехватка жилья плодит временщиков, продолжает текучку, подрывает моральные устои, разрушает семью, влияет на социально-психологический микроклимат»* [Лагунов 1974: 133], не уставая описывать бедственное положение нефтяников и их семей, ютящихся в балках: *«... на*

12 квадратных метрах вагончика, пусть и утепленного, с телевизором и электричеством, трудно разместить семью с малышом... . Никаких удобств бабок не имеет. Даже вода привозная. Устроить же малыша в детсад — задача чрезвычайно трудная. Занятия в школах ведутся в три смены. В 1977 году в Нижневартовске имелось втрое меньше, чем положено по нормам, жилья, мест в школах, детских садах и яслях, коек в больницах и т. д. Словом, те же боли и те же обиды, что и 15 лет назад, когда только начиналось освоение тюменского нефтяного и газового Севера. А почему? Да потому, что не все ошибки прошлого учтены» [Лагунов 1978: 97].

5. Невозможно представить советский миф без идеи коммунистической партии, ее руководящей и вдохновляющей роли. Героям северных очерков Лагунова никогда не было легко. Величайшая самоотверженность, воспетая писателем, служила эталоном гражданской преданности своему делу. Примечательно, что на первом месте оказывается их трудовая закваска, а уже потом принадлежность к партии. Но полностью исключить «великого рулевого» — КПСС — из повествования о беспримерной стройке советского народа было немыслимо — время диктовало свои правила игры, свои законы творчества. Но у Лагунова трудно отыскать дифирамбы в адрес партии как некой абстракции, высшей силы, довлеющего над всем божества. На отрезках текста, обрабатывающих «обязательную программу», автор переходит на язык социалистических газетных штампов, словно соблюдая положенный этикет. Так, послесловие к очерку «Мост», сообщающее, что сдача нового железнодорожного пути через Обь — «замечательный подарок XXV съезду нашей партии» [Лагунов 1975: 5], решено в стиле газетной информации, жанра предельно стандартизированного. Мастер Роберт Ибрагимов, герой очерка «Кольцо Самоглора», осознает, что «без помощи товарищей-коммунистов многое было бы непосильно» [Лагунов 1976: 6].

Разумеется, покорять Сезер в одиночку невозможно было бы и без товарищей вообще, независимо от их партийной принадлежности. В данном случае акцент делается на повышенном чувстве ответственности члена партии, не имеющего права пасовать перед трудностями.

* * *

«Нет, не вдруг возникло это неприятие происходящего. Сперва был восторг. Потом удивление. И лишь потом пришло прозрение» [Лагунов 1989: 95].

Северная публицистика Константина Лагунова никогда не была свободна от критики. Тревожным набатом прозвучал очерк «Нефть и люди». Последовала однозначная реакция. Поэтому до поры до времени приходилось включать внутреннего цензора под неодолимым давлением цензоров внешних. Однако на страницах создаваемой Лагуновым северной эпопеи осколки разбитого партийной критикой очерка 1966 года продолжали колоть глаза. Сам Константин Лагунов считает, что с новомирского очерка началась его «... долгая, изнурительная и безнадежная война с ветряными мельницами... . Ибо очерки, статьи выступления о недопустимо, немыслимо варварском отношении партийных коршунов к Сибири... не давали никаких практических результатов. Они лишь... БЕСИЛИ партийных олигархов..., но не мешали разграблению сибирских недр..» [Лагунов 1993: 217].

Как уже отмечалось выше, бытовая тема всплывала в каждом выступлении, была червоточиной, подтачивающей благостность северного мифа. Правда, зачастую с оговорками: «... строить стали куда больше и лучше прежнего... И все равно мало. Очень мало» [Лагунов 1974: 113].

Образы стяжателей, приехавших на Север за длинным рублем, все эти «Профессора» и «Бати», прикрываемые бюрократами, «уголовно-бичевой мусор» [Лагунов 1978: 98], лжеромантики не исчезали из очерков. Просто они в конце

концов терпели поражение. Торжествовали настоящие герои, презирающие наживу, болеющие за дело, проповедующие сплоченность рядов и взаимовыручку. Примечательна в этом смысле глава «Власть огня» из очерка «На стыке северных ветров», конкретно — отрывок, рассказывающий о первых днях в бригаде Александра Козлова, тогда — молодого идеалиста. Трудовой запал парня встретил резкое неприятие со стороны коллег и бригадира по прозвищу Профессор, ведь наращивание темпов вело к уменьшению зарплаты. Козлова «подставили» и травили, зажимали внедрение его изобретений. Но все-таки справедливость побеждает. Побеждает всегда в северных очерках Лагунова. Без борьбы нет жизни, нет подвига. Поэтому противник необходим, но он обязательно будет укрошен — пусть это жестокие природные условия или человеческие пороки.

Перестройка, преданная Лагуновым анафеме, как и ее инициатор Михаил Горбачев, тем не менее позволила писателю выплеснуть копившееся после «прозрения» в покаянно-обличительном очерке «После нас...». Увидела свет публикация в журнале «Наш современник» (1989. № 5) под рубрикой «Экология: ответственность общая». Однако речь в материале шла не только об экологии.

Времена сменились. Теперь коммунистическое Добро уже не должно было в строгом соответствии с принципами партийности побеждать «отживающее» Зло, которое «кое-где у нас порой...». Миф, создававшийся из года в год, поддерживающийся идеологической пропагандой Советского Союза, был полностью развенчан на полутора десятках страниц журнального текста. Развенчан одним из тех, кто его долгое время создавал, создавал красиво, талантливо, правдоподобно: «В своих письменных и устных выступлениях я в меру способностей славил и воспевал тюменских первопроходцев, подкрепляя и расцветчивая кем-то сочиненную версию о их тернистом пути к нефтяным кладам» [Лагунов 1993: 223].

Лагунов поставил задачу жестко: проследить, как превратилось «ВЕЛИКОЕ и ПРЕКРАСНОЕ в ПРЕСТУПНОЕ и ПОСТЫДНОЕ», как «великий подвиг обернулся не менее великой трагедией» [Лагунов 1989: 95].

Мы специально попытались расчленить северный миф на составные части. Так удобнее проследить развенчание каждой его составляющей, кардинальную перестановку акцентов в ключевых его моментах.

1. Лагунов заново открывает историю Тюменского Севера. И дело даже не в упоминании имени настоящего первооткрывателя тюменской нефти Виктора Васильева, в 1932 году по заданию Губкина проводшего разведку северных недр. Его трагическую историю Лагунов уже расскажет к тому времени в нескольких очерках. «Визитная карточка», о которой мы говорили, по своему содержанию начинает напоминать некролог, являя взору истощенную, разоренную, оскверненную Сибирь. Позже эта же картина войдет в автобиографическое эссе писателя «Пред Богом и людьми...» (1993), в котором Лагунов кинет в огонь еще много страниц советских мифов.

2. За строками, описывающими размах производства, на самом деле крылась некомпетентность, отсутствие технологий, опыта разработки месторождений в условиях Севера. Так, например, на Самотлорском месторождении методом проб и ошибок наиболее оптимального способа возведения буровых установок добились только с шестого раза! И это — не исключение, а скорее правило. Хищническая, осуществляемая наскоками эксплуатация имела губительные последствия.

«Грубо нарушив режим эксплуатации, сломав и покоржив энергию пластов, нефтяники выдавили желаемое и сгубили месторождение» [Лагунов 1989: 113].

В трубу, и в прямом, и в переносном смысле, вылетали огромные средства. В факелах, обогревающих небо, за 1970 — 1975 годы сгорело 16.103.400.000

кубометров попутного газа. С 1975 – ежегодно сгорало 10 миллиардов кубометров. Всего за годы освоения – более 150 миллиардов! И только потому, что в погоне за рекордными цифрами было недосуг попридержать нефтяную лихорадку и возвести перерабатывающие комбинаты.

При всем при том «стройка века» наносила колоссальный ущерб окружающей среде. Об экологии тогда вообще предпочитали не думать. Советский человек был покорителем природы, ему было не до сантиментов по поводу загубленных лесов и тундры, зверья и птицы. Экологические нотки, созвучные общему настрою «После нас...», можно найти в очерке «Под огнем» в словах героя, бригадира В. И. Мартынова, брошенных московскому писателю: «Герои вашей книги не рабочие. Роботы! Природа их не трогает. Они не чувствуют, не понимают красоты. Лес – это дрова. Река – купальня. Зверье и птица – закуска под сорокаградусную... Откуда вы выкопали таких... пятакантропусов?» [Лагунов 1984: 10].

3. А в очерке «После нас...» в «пятакантропусов», «коршунов Сибири» и «временщиков» превращаются недавние герои уже в словах самого автора. Возросшие на примере правительства – его потребительского отношения к окружающей среде, они поражают ненавистью к живой природе, «вопиющей бездуховностью, полным отсутствием чувства прекрасного, предельным дефицитом доброты, сострадания и милосердия» [Лагунов 1989: 111]. Совсвятые, почти канонизированные в 70-е, становятся «командирами производства», которые «организуют преступные по отношению к природе действия многих тысяч людей, вооруженных всесильной истребительной техникой» [Лагунов 1989: 110].

Богатыри (махнет направо – улица, махнет налево – переулочек) являют мощь не ради всеобщего дела, а ради мирской славы, наград, премий: «Четверть века знаю я многих геологов и нефтяников... Люди они разные. Есть среди них безоглядно размахистые... натуры... Эти коли в раж войдут, не токмо зверя, дерева либо реки, но и отца с матерью не пощадят, лишь бы быть у начальства на виду... И таких... абсолютное большинство среди командных кадров нефтегазового комплекса» [Лагунов 1989: 110].

4. Не будем вновь подробно останавливаться на бытовых проблемах дальнего Севера, вопиющих фактах существования балковых городов, отсутствия социальной инфраструктуры. О них и так уже было сказано немало. Однако стоит отметить, что в очерке «После нас...» Лагунов не преминул взглянуть и на столицу области, Тюмень, где рядом с дворцами-главками соседствуют нищие вузы, в том числе и индустриальный институт, кующий кадры для Севера.

5. А что же партия? Именно с ее благословения шла под нож экскаватора северная природа: «Геологи, а вслед за ними нефтяники, газодобытчики и строители вступали в тайгу и тундру как завоеватели, круша и корежа на своем пути все, что попадало под руку: лес, реку, четвероногих и пернатых обитателей...» [Лагунов 1989: 108–109].

С ее благословения спаивались северяне: «Тюменский нефтяной и газовый север пил по-черному. Беспробудно и каждодневно... Пили подчиненные и руководители» [Лагунов 1989: 105].

Превращая Север в обжитый край, партия тем не менее оставляла его в духовном плане «... пустыней, в которой лишь кое-где... на малый срок возникали миниоазисы, крошечные очажки культуры» [Лагунов 1989: 106].

Провозглашая с трибун устами своих лидеров повсеместную заботу о Человеке, на деле превращала его в робота, «... безответного, бессловесного, у которого вся жизнь... отдана одному – работе на износ» [Лагунов 1989: 108].

В конце концов, получая подпитку от тюменских нефтедолларов, коммунистические бонзы могли преспокойно почивать на лаврах, ввергая страну в застой.

* * *

Хронологические рамки создания столь разительно отличающихся картин соответствуют политическим эпохам в жизни государства. В публицистике миф ковался до середины 80-х. Затем пришла пора осознания возможности говорить правду. Время разделилось на «тогда» и «сейчас».

Тогда – трагедия писателя, сомневающегося, мятущегося, но **ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ** вынужденного ковать угодный ей миф – кто не с нами, тот против нас.

Сейчас – боль писателя: не слушали, не желали слушать, заглушая голос правды барским окриком. Искреннее покаяние. Горечь за себя и за свой народ. Когда сравниваешь эти разные картины, созданные одним человеком, невольно задаешься вопросом: а был ли тот всенародный подвиг освоения Тюменского Севера? И не хочется верить, что все оказалось фикцией, выдумкой идеологически ангажированных сочинителей. Лагунов дает на этот вопрос однозначный, категоричный ответ: *«Это был подвиг. Это был героизм. Не одиночек – масс. Я поклонялся и поклоняюсь этим дивным людям... Они верили, что творят великое, нужное дело»* [Лагунов 1989: 99].

Масс – превращенных в «роботов». «Великое дело», обернувшееся «*преступным и постыдным*», «*хищническим разграблением богатств Сибири*» «*страной, вставшей в застой*». Нет ли здесь противоречия? В состоянии ли «робот» совершить подвиг?

И можем ли мы так же категорично, как писатель, ответить на вопрос? Или нужно провести границу: до такой-то даты – подвиг, а после – нет? И можно ли вообще называть подвигом действие, пусть самоотверженное, на пределе сил и нервов, замешанное на поте и крови, но приведшее к столь плачевным и страшным последствиям?

Большое видится на расстоянии. Наверное, мы еще не так далеко ушли во времени, чтобы дать однозначный ответ на эти вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

- Лагунов К. Я. В краю романтиков // Урал. 1964. № 9.
- Лагунов К. Я. Ворота Сибири // Культура и жизнь. 1966. № 1.
- Лагунов К. Я. Город романтиков // Тюменский самородок. М., 1974.
- Лагунов К. Я. Жаркий север. М., 1976.
- Лагунов К. Я. Жить с ветерком // Урал. 1974. № 9.
- Лагунов К. Я. Имени ленинской «Правды» // Тюменский самородок. М., 1974.
- Лагунов К. Я. Кольцо Самотлора // Урал. 1976. № 2.
- Лагунов К. Я. Мастера // Октябрь. 1976. № 8.
- Лагунов К. Я. Мост // Урал. 1975. № 12.
- Лагунов К. Я. На стыке северных ветров // Урал. 1978. № 5.
- Лагунов К. Я. Надымская тетрадь // Лагунов К. Я., Лучковский Е. Надымская тетрадь. Свердловск, 1979.
- Лагунов К. Я. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 5.
- Лагунов К. Я. Под огнем // Урал. 1984. № 9.
- Лагунов К. Я. После нас... // Наш современник. 1989. № 5.
- Лагунов К. Я. Пред богом и людьми. Шадрииск, 1993.
- Лагунов К. Я. Распахнутые кладовые // Дон. 1966. № 4.
- Лагунов К. Я. Руки разумом сильны // Урал. 1981. № 8.
- Лагунов К. Я. Слушайте Самотлор // Урал. 1973. № 10.
- Лагунов К. Я. Солнечная баллада. М., 1973.
- Лагунов К. Я. Субботний день Василия Васильевича // Урал. 1974. № 1.
- Островский Н. Г. Масштабы северной стройки // Октябрь. 1976. № 8.